

18+

Иветта Давыдова

A large, soft watercolor wash in shades of yellow and light orange serves as a background for the calligraphy. A small, delicate illustration of a butterfly is positioned in the upper right quadrant of the watercolor area.

Мир
Счастья

И

Иветта Давыдова

**Мечты сбиваются.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Давыдова И.

Мечты сбиваются. Сборник рассказов / И. Давыдова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512555-2

Иветта Давыдова родилась и выросла в Баку. Живёт в Краснодаре, преподаёт английский язык. «Все прозаики, как я полагаю, должны быть психологами-любителями, разбираться в людях, иначе им не описать человеческие поступки, мысли, решения и чувственные завихрения в гипоталамусах.

Иветта Давыдова разбирается. Ведь она, как и её „я“, тоже пишет рассказы». Олег Чувакин, писатель, критик. «Иветта Давыдова — не только интересный рассказчик, но и философ». Лариса Новосельская, писатель, журналист Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-512555-2

© Давыдова И.
© Издательские решения

Содержание

Так рождается еврейский анекдот	6
Открытие Америки	7
Помидорка	20
История с КПСС	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мечты сбиваются

Сборник рассказов

Иветта Давыдова

Дизайнер обложки Оксана Труфан
Фотограф Жанна Семикина

© Иветта Давыдова, 2021
© Оксана Труфан, дизайн обложки, 2021
© Жанна Семикина, фотографии, 2021

ISBN 978-5-0051-2555-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Место, время, действие

Рассказы Иветты Давыдовой похожи на яркие кусочки мозаики, из которых постепенно складывается картина жизни современной женщины.

Семейные заботы и социальные проблемы, любовь и долг, материнские страхи и нечаянные радости – всё это знакомые, непрерывно сменяющиеся картинки в калейдоскопе судьбы. Героини, как и герои книги, – живые люди, которые совершают ошибки, мучаются сомнениями, а порой попадают в нелепое положение. Но есть среди них и такие, что умудряются и в двадцать первом веке сохранять принципы, усвоенные почти столетие назад, и именно это позволяет им выжить, что бы ни творилось вокруг.

На некоторых страницах без труда узнаются приметы советского времени, другие переносят нас в непредсказуемые девяностые. А то вдруг по воле автора перед нами распахнутся улицы современного Стамбула, и заиграет буйство красок и звуков востока, и дразнящие ароматы пробудят сказочные мечты...

В рассказах Иветты Давыдовой есть искренность, эмоциональность, юмор, а главное – живое дыхание жизни. А это, наверное, и есть главная задача литературы.

*Елена Лобанова,
член Союза российских писателей*

*Человек никогда не бывает так несчастен, как ему кажется, или так
счастлив, как ему хочется.
Ларошфуко*

*Bad choices make good stories.
Из неудачного опыта получаются неплохие истории.
Прочитано на футболке*

Так рождается еврейский анекдот

– У тебя же еврей только отец. А у евреев национальность по матери, – сказали мне однажды.

– Правильно, у нас, у неевреев, национальность по отцу, – согласилась я.

Открытие Америки

В середине 90-х пришла мне пора выбираться из декретного отпуска, и дочку малопомалу начали приучать к детскому саду. Муж сперва был против моей работы, поскольку недостаток в семье был полный. Кому-то «лихие 90-е» и обнищание, а моему мужу, чья предпринимательская жилка пульсировала ещё при развитом социализме, – кооперативное раздолье. К моему супружескому счастью, муж знал цену не только производственному сырью в своём деле, но и университетскому образованию. Порешили на том, что восстанавливаться в профессии я буду потихоньку и главное – без глупостей возвращения в школу. На его пальцах ещё не просохли слёзы, которые он утирал с моего лица каждое утро, везя меня на окраину Краснодара, в конец географии, в школу, где я отработывала положенные молодому специалисту три года. Бесконечные педсоветы, унылые учебники, положение иностранного на уровне физкультуры в иерархии школьных предметов, тошнотворные поурочные планы держали меня в состоянии перманентного уныния, которое не проходило даже с выходом в отпуск. От отбывания полного срока того оброка меня спасла зародившаяся дочь – я ушла в декретный отпуск. И вот было решено в школу меня больше не отправлять. Начали обдумывать, как совместить диплом выпускницы факультета романо-германской филологии с зарабатыванием денег. В устные переводчики муж категорически не пускал и вообще был против моей работы в офисе какого-нибудь СП: совместные предприятия с иностранцами открывались в то время повсеместно. Мысли о возможных моих заграничных командировках накрывали его душным полотном ревности, он кривился от боли и страха, словно ему втыкали острый нож в область, называемую у медиков эпигастральной. Я не проявляла героизма в борьбе против средневековых пережитков, но и тягу исключительно к преподавательской деятельности, в которой хотела себя видеть, тоже не выпячивала. Мне льстили мужнины гендерные волнения, и я легла в дрейф по направлению к сетям рекрутингового рынка.

На ловца зверь прибежал достаточно быстро: нам предложили взять в семью студента по обмену, американца.

Стоило нам заикнуться о намерениях, многочисленные друзья и родственники извели нас своим ожиданием. Конечно, мы их понимали: увидеть живого американца было не просто недостижимой мечтой – мечта таких в головах советских граждан, переживших перестройку и не уехавших, даже не водилось. Увидеть живого американца стало общей целью.

И началось ожидание. Друзья и родственники, время от времени заезжая в гости, всё чаще спрашивали: не передумал ли он ехать? не передумали ли мы его брать? не передумали ли нам его давать?

Нам самим информацию вбрасывали частями. Сперва выдали сроки пребывания: конец августа – середина декабря. Через время – сумму нашего заработка. За постояльца платили подённо и, страшно сказать постсоветскому человеку, – в долларах, в этих заветных фиштакетного цвета банкнотах, на которых красовался незнакомый мужик с улыбкой Моны Лизы на одутловатом лице в обрамлении длинных локонов.

Чем ближе дело двигалось к дате приезда, тем чаще заглядывали гости.

Наконец настало время общего собрания принимающих семей. Организаторы прочитали нам краткий курс «их нравов» и раздали небольшие анкеты с крошечными фотографиями юношей и девушек. На нас глянул белобрысый, с щёлками глаз и давно не стриженными жиденькими волосами двадцатидвухлетний Натан Томас Хейз из Сент-Луиса штата Иллинойс. Чуть позже, уже в доверительных разговорах о личном, я спросила о его «миддл нейм», о среднем имени, которое у американцев – эрзац не эрзац, эквивалент не эквивалент нашего отчества. Мы узнали, что Натаном Томасом звали любимого бейсбольного игрока его родителей, и чтобы

не ссориться при выборе имени – Томасом называть дитя или Натаном, решили оставить полностью. «Миддл нейм» оказался вещью полезной, в хозяйстве пригождающейся: если ребёнку не нравится своё первое имя, он может, знакомясь, предлагать для повседневного общения своё среднее имя, а о первом имени никто даже догадываться не будет, пока не увидит официальный документ.

Американский дух нам готовил много «открытий чудных». Предчувствуя это, мы все немного торопили время встречи с неизвестным. Друзья же боялись опоздать и наращивали количество визитов, словно соревновались между собой за право первыми увидеть недавнего «вероятного противника», визави по не успевшей остыть «холодной войне» и «гонке вооружений». Но настоящая карусель началась за сутки до приезда. Мы даже перестали запирать калитку. То и дело подъезжала машина, выскакивал пассажир, а чаще – водитель. Не глуша мотора, рвал ручку ворот: «Приехал, не? Ночью? А-а, понятно!» И бегом обратно за руль. Из окна моей кухни это выглядело фильмом, к которому оставалось мысленно добавить озорную музыку популярных тогда «Маски-шоу».

Человек с «Дикого Запада» действительно прилетал ночью. И вот наступила та ночь. Мы его встретили и привезли домой. Днём он осваивался, знакомясь с интерьерами нашего небольшого частного дома, распаковывал сумки. Среди привезённого, помимо одежды, личных вещей вроде зубной щётки и шлёпанцев, в комнате материализовались несколько упаковок влажных салфеток Kleenex, бинты, чудные тогда лейкопластыри под цвет кожи, вата и множество рулонов туалетной бумаги.

– Зачем ты вёз через океан туалетную бумагу? – не удержалась я.

– Нам сказали, у вас ничего нет, даже туалетной бумаги.

– Всё у нас уже есть, – радостно солгала я гостю, а у самой поплыли пред глазами картинки из совсем ещё недавнего прошлого, где местные мужики бодро шагали по центральной улице города, обвешанные гигантскими бусами из рулонов вожделенной «туалетки», добытой в долгих нервных очередях. Многое уже было в свободной продаже, особенно туалетная бумага, и даже памперсы. Бумагой завалили местные кооператоры, импортные памперсы везли грузовиками из Москвы. По дорогам гоняли подержанные иномарки с германских автосвалок – «шротов». Не было только телефонов. Не мобильных, нет. Кто о них тогда знал? Не было обыкновенных домашних. Телефон в частном доме, да и во многих «хрущёвках» и «брежневках» по-прежнему оставался недостижимой роскошью и привилегией генералитета, профессуры и бывшей партноменклатуры. И за этот вот телефон, точнее, за его отсутствие, мне стало невыносимо стыдно перед человеком из «мира наживы и чистогана». В их «тлетворных» фильмах про начало двадцатого века герой, путешествуя по пыльным дорогам прерий, мог остановиться на обочине и позвонить в любой конец страны с торчащего из-под земли столба с аппаратом. А мы в своём краевом центре Кубани – житнице и «жемчужине России» – проживая в двух кварталах от центра города, тащились несколько остановок до ближайшей телефонной будки с зачастую сломанным автоматом, который тем не менее сжирал дефицитную двухкопеечную монетку. Я понимала, что нашему американскому гостю предстоит проходить то же самое, и стыдилась за космическую державу.

Потом Натан выудил из своего большущего чемодана длинный тонкий пластиковый шприц с причудливыми красными полосками, вручил его мне и заговорщически произнёс: «Отдашь врачам, если мне станет плохо». Мысль о том, что ему может стать плохо, как-то раньше ни разу не посетила меня. Я спешно оглядела его долговязую фигуру, доходящую сутулость, бледную до голубизны кожу, впалые щёки на вытянутом лице, длинные костлявые пальцы рук в слабых веснушках, и мне стало страшно.

В тот же вечер стихийно устроился небольшой приём, чтобы диковинный гость без отлагательств вкусил русского гостеприимства и широты загадочной русской души.

Дело было в последних числах августа. В пору отсутствия кондиционеров и даже больших напольных вентиляторов это было драгоценное время кубанского климата, когда период нещадной круглосуточной жары сменялся умеренно горячими днями и комфортно-тёплыми ночами.

Стол накрыли во дворе. Усадили в уголок сына. Оказывается, у тех, кто не был вырезан на семьдесят лет из жизни человеческой цивилизации, и давно пользовался программой Student exchange, членов принимающей семьи было принято называть мамами, папами, сёстрами и братьями. Наш деточка приехал учить русский язык и историю казачества в Кубанском университете, но в первый день знакомства из русского он ограничился лишь ломаным «здравствуй». К вечеру наши подозрения развеялись окончательно: мальчик решительно больше ничего не знал по-русски. Коммуницировать пришлось мне. Мне, с моим классическим британским. Мне, привыкшей лишь к рафинированной речи чтецов текстов в лингафонном кабинете факультета иностранных языков. Мне, четыре последних года простоявшей у «мартена» на кухне и специализировавшейся в основном на стирке вручную пелёнок и ползунков до совсем недавней покупки автоматической стиралки, – мне выпало работать синхронным переводчиком с американского английского! Было трудновато. Натан доброжелательно подстраивался под мои просьбы повторять помедленнее, и за три с половиной месяца его квартирования трудности перевода благополучно растворились в моей обильной языковой практике.

Сколько тогда было диковинного! Да сколько? – Всё! Жгучее желание прикоснуться к некогда запретному, к невиданному, к неслыханному в день приезда Натана несло к нам гостей.

Собиравшиеся чувствовали себя героями русской сказки «Теремок»: сидя за столом, мы слышали шелест тормозов очередной подъехавшей машины и устремляли глаза на ворота. В проёме калитки появлялась сперва голова, привычно вопрошая «Приехал?» Через секунду, самостоятельно выхватывая взглядом незнакомца, хозяин головы переступал через порог, одной рукой призывно махая остававшимся в машине, в другой руке держа бутылку водки. И так несколько часов подряд: тормоза – скрип калитки – голова – бутылка водки.

Заходили, усаживались на подставляемый стул. Потом табурет. Потом скамейку из гаража. Усаживались и на некоторое время замолкали, откровенно рассматривая «экспонат». Тут же перед каждым новым гостем появлялась тарелка, в ней образовывалась еда, звучало русское «наливай!» и американское «чу-чут». «Чу-чут», – произносил американец каждый раз, выставляя вперёд открытую ладонь, как бы преграждая бутылке путь к своей рюмке, но каждый новый посетитель всё равно наполнял всклень. Пили до дна. С каждой новой подносимой американцу чаркой, его взгляд мутнел сильнее, в то время как голос на «чу-чут» – слабел. Он послушно выпивал с каждым, улыбался, доброжелательно кивал, если кто-то пускался в долгие монологи, и старательно, через меня, поддерживал диалоги. В какой-то момент внимание гостей отвлеклось от Натана общими разговорами всех со всеми. В это время наш американец как-то неестественно выпрямился на стуле и начал производить телом волновые движения, будто внутри у него что-то ожило и заворочалось. Один из гостей это заметил, подскочил, сгрёб американца со стула и поволок в дальний угол двора, где под техническими краями стояло ведро. Когда американец отфонтанировал выпитым и съеденным, его провели в комнату и уложили на диван. Народ вернулся к столу, но градус веселья заметно снизился. Натан лежал мертвецки белый, признаков жизни не подавал, и, если смотреть из дверного проёма, не дышал. Я стояла в этом самом проёме, боясь приблизиться. Голову долбили мысли: пора ли вызывать скорую? куда я сунула тот самый шприц? как же неловко получится, если он умрёт в первый же день! от алкоголя! нас посадят?

– Не вздумай вызывать скорую, – кто-то из гостей, похоже, прочитал мои мысли, подкравшись сзади. – Отлежится.

– А если не отлежится? – отозвалась я, и новая ледяная волна окатила мои ослабевшие конечности.

Но он отлежался. И не пил крепкого пару месяцев, до самого того дня, когда они шумно завалили домой с Мэтью – его лучшим другом из группы – и тот, с радостным криком вытащив из большого кармана своей зимней куртки солидную бутылку «Navana Club», пригласил нас к столу.

– Никогда не пили кубинского? – искренне удивилась я. – Куба – это ж рядом с вами. У вас что, нет этого рома?

– Рома нет. Есть эмбарго, – на уже тогда сносном русском закричали они в унисон.

Это приглашение к совместному распитию означало потепление в наших персональных американо-российских отношениях. Вообще, лёд долгой политической борьбы растапливался сердцами простых людей. Дело в том, что ещё до приезда обменных студентов организаторы предупреждали нас, что у американцев не принято угощать и угощаться. Тогда им пришлось посвятить нас в некоторые тайны национальных особенностей. Так нам были откровения, что знаменитая американская улыбка, улыбка-бренд – вовсе не от душевной широты или переполняющего счастья, а исключительно из вежливости и демонстрации успешности, мнимой или подлинной – не важно. Так же настоятельно не рекомендовалось верить в повсеместное «I love you» (ай лав ю), поскольку оно тоже говорилось не от избытка искренних чувств, а лишь в знак благостного расположения к собеседнику. Предупреждали, что, если наш постоялец купит себе что-то из еды помимо того, что мы обязаны были ему готовить, это не означало, что он станет с нами этим делиться. Но парочка недоразумений всё же приключилась.

Буквально ко второму или третьему со дня приезда обеду (обедали и ужинали мы всегда вместе, семейно) Натан купил кока-колу. Хлынувшие в то время на наш продовольственный рынок импортная газировка, чипсы и всякие суррогатно-шоколадные «марсы» -«сникерсы» моими усилиями старательно обходили домашний стол. Дочке было всего четыре годика, её организм особенно тщательно оберегался от всякого рода ненужностей, хотя детский сад и телереклама творили своё чёрное дело, подтачивая строгое родительское «нет», и делая запретный плод с каждым разом слаще.

Мы уже склонились над тарелками, когда жестом человека что-то забывшего, но вовремя вспомнившего, Натан поднял вверх палец. Он метнулся к холодильнику и выволок оттуда полоторалитровый пластиковый пузырь кока-колы. «И когда только он успел туда его затянуть?» – удивилась я. Наши вилки продолжали курсировать между ртами и тарелками, а он достал из шкафа стакан, поставил перед собой, налил в него кока-колы, завинтил крышку обратно, бутылку отправил под стол, себе в ноги. Отпил коричнево-белой жидкости с неугомонными пузырьками, причмокнул, вернул стакан на стол и принялся за еду. Первым тишину застолья нарушил муж громким покашливанием, но я наблюдала за дочерью. Она сидела с открытым ртом, совершенно окаменевшая, зажав в руке вилку на полпути к тарелке. Не скажу, сколько по времени длилась эта немая сцена, но американец продолжал энергично есть, с лёгкой улыбкой обмениваясь с нами взглядами.

– Я т о ж е х о ч у к о к а-к о л у! – наконец громко, медленно, членораздельно произнесла дочь.

– Это кока-кола Натана, а тебе она вообще не нужна, – затараторила я.

– Я т о ж е х о ч у к о к а-к о л у! – дочь начинала напоминать взрывной механизм с тикающим устройством.

– Доча, потом обязательно купим. Вот после обеда пойдём и купим. . . – включился в ситуацию папа.

Дочь продолжала сидеть, застыв с вилкой в руке, будто приведённой в боевую готовность, с глазами, залипшими на стакане Натана, и только губы двигались, повторяя: «Я тоже хочу кока-колу».

Наше замешательство заметил «сын». Коротко выяснив суть дела, он спешно поделился кока-колой с «сестрой», достав бутылку из-под стола. Мне же после обеда «нагорело» от мужа, мол, как же так, «что это вообще такое было?» Но настоящий гром грянул примерно на следующий вечер.

Американцу общаться без меня было не с руки: у мужа в активе был неплохой немецкий, но катастрофически ни слова по-английски. Ни расхожее «окей», ни «гуд», ни «гудбай» не посетили его уста ни разу в нашей достаточно долгой совместной жизни. После приезда Натана он частенько бурчал: «Чувствую себя как в оккупации».

Поздно вечером, после праведных кооперативных трудов, поужинав, муж сидел во дворе, покуривая. Натан подсел рядом. Некоторое время они сидели молча. Вдруг Натан нарушил тишину тёплого сентябрьского вечера словом «пиво». Он поднял руку и сделал несколько движений, словно прикладывая ко рту воображаемый стакан. Муж понимающе кивнул, но бессильно развёл руками: пива нет, угостить не могу – магазины закрыты. Тогда мы и представить не могли, что магазины могут работать круглосуточно. У американца русский был ниже «уровня выживания». Он радостно ткнул себя пальцем в грудь, и отправился в дом. Вернулся с алюминиевой банкой пива, уселся на прежнее место. Под его костлявыми пальцами баночка сделала «пссс», он удовлетворённо отпил из неё глоток и добродушно улыбнулся мужу. Тот, не разделив сибаритской радости гостя, прошёл в кухню, открыл холодильник и увидел на боковой полке две банки точно такого же пива. Надо признаться, за всё время пребывания американца в нашем доме, я никогда не могла усечь, когда он успевал покупать и размещать продукты в холодильнике. Обнаружив запасы, муж направился ко мне в комнату.

– Значит так, – полыхал он, – объясни этому. . . ему, что я не потерплю в своём доме издевательств над собой.

Я, не понимавшая, о чём, собственно, речь, но знавшая крутой нрав мужа, забеспокоилась.

– Что ты как маленький! – разобравшись, возразила я ему. – Нас предупреждали, вспомни.

– Мне плевать, о чём предупреждали! – свирепел муж. – Как хочешь объясняйся с ним, но чтобы в моём доме такого больше не было! Или пусть идёт жить к другим!

Конечно, я не стала ничего говорить Натану, да и, к всеобщему счастью, поводов больше не было. А с напитками приключился ещё один случай, на моей памяти последний.

В ту пору страну наводнили мелкие пакетики «сухого сока». В нескончаемой телевизионной рекламе каждые пять минут по экрану полз как бы обезумевший от жары и жажды комедийный актёр Стоянов, находил в раскалённом песке пустыни спасительный термос, из термоса высыпался песок с запиской, которая рекомендовала «просто добавить воды». Пакетики «инвайтов», «зуко» и «юппи» были безумно популярны. Их разводили в турецкого стекла графинах и кувшинах и подавали к праздничным столам. Я уже тогда чуралась еды из пробирки, и в нашем доме такого не водилось. Но припасливый Натан, как-то обнаружив в потайных карманах своего чемодана парочку пакетиков, приволок их на кухню. «Kool-Aid» – сообщала задорная надпись. Это был настоящий американский «сухой» напиток. Как всё самое передовое, продвинутое, новое, что добиралось до России всегда с опозданием, – технологии, лекарства, мода – этот «кулэйд» тоже появился в наших краснодарах, но сильно потом. Нашему семейству не повезло раньше, и мне пришлось притащить кувшин, а дочь, наоборот, от стола оттаскивать. Я бы предпочла, чтобы как раз вот этот свой «кулэйд» Натан пил без нас, но,

видать, проникнувшийся ошибками прошлого, он настойчиво нас угощал. Дочь в нетерпеливом предвкушении удовольствия уже торчала у стола, наблюдая за руками высокого неуклюжего блондина, сотворившего для неё небольшое химическое чудо. Получившуюся в результате соития воды с пакетным порошком смесь дико-розового цвета Натан разлил по стаканам. Я наотрез отказалась. Дочь же крепко схватила поданный ей стакан и немедленно впиалась в него губами. Долго потом вокруг рта сиял розовый ореол. Пока готовили напиток, немного пролили на стол. Дефицитная и достаточно дорогая клеёнка, которой было модно покрывать столы, и которую я выбросила не скоро, до конца своих дней хранила несмываемый розовый круг, намертво въевшийся в место, где стоял графин.

Натан, в отличие от своего друга Мэтью, который по возвращении домой собирался податься в армию, не производил собой картинку здорового человека, а производил, наоборот, картинку человека малосильного, быстро утомляющегося и нуждающегося в дневном отдыхе. Каждый вечер перед сном он доставал таблетку: малинового цвета драже – крупный сплюснутый шар в стекловидной, будто эмалированной оболочке.

- Что это? – нескромно поинтересовалась я в первый раз.
- Витамины... – бросил он и налил воды в стакан.
- Зачем?
- Доктор сказал пить каждый вечер, – проглотил драже, запил.
- Зачем?
- Так надо.
- Ты болеешь? – почему-то не унималась я.
- Нет.
- Тогда зачем витамины?
- Все принимают.
- Зачем?
- Не знаю. Так надо.

Таблетки таблетками, но и от живой полезной пищи отказывался не всегда. Арбузами уедался. Год выдался урожайным, арбузы были вызывающе дешёвыми. Наш сосед по улице торговал ими из дома, привозя с собственной бахчи. Муж для удобства закупал у него разом десяток, закатывал в дальний угол двора, и они образовывали небольшую весёлую полосато-зелёную горку. Американец ел их с заметным удовольствием, вопросительным знаком нависая над парящей поверх тарелки скибкой (так на Кубани называют арбузную дольку), причмокивая, утираясь и снова впиваясь в кристаллическую от сахаристости сочную алую плоть. Так мы узнали, что в Америке арбузы были экзотическим фруктом-ягодой, к тому же привозной и оттого недешёвой. Мы радовались, что тоже могли чем-то удивлять американца. А удивлялся он не меньше нашего.

Как-то решили сварить борщ. Я принесла с утреннего рынка говядину на кости, кочан капусты, морковь, свёклу борщевую, полосатую, специальную, для настоящего кубанского борща, которому положено быть золотистого цвета. Разложила на столе всякие мелочи вроде головки чеснока, корешка пастернака, пучка петрушки, куска старого сала. Дело было в выходной, погода была скверная, и наш американец весь день проводил дома. Он пришёл на кухню, принялся наблюдать. Начал с того, что попросил потрогать мясо. Несмело потыкал пальцем в лоснящуюся волокнистую плоть, одобрительно покачал головой, поинтересовался, где я это взяла. Американский парень, имевший американского дедушку, который жил в хате с дровяным (!) отоплением, никогда не видел куска немороженного мяса. Оказалось, что городские американцы, к которым Натан себя относил, часто за жизнь видят лишь замороженные продукты, ещё чаще – полуфабрикаты, и совсем обычное дело – упаковки с готовой к употреб-

лению едой, которую достаточно сунуть в микроволновку для разогрева. Многие не представляли себе, как выглядел, например, чеснок. Такие вещи у них продавались в измельчённом виде, готовом к отправке в тарелку или кастрюлю. Приготовление борща стало для Натана настоящим таинством.

После ужина раздобрившийся муж решил поучаствовать в аттракционе гастрономических фокусов и со словами «сейчас я тебя удивлю по-настоящему» достал из дальнего угла холодильника шматок свежего сала. Я бросилась закрывать все имеющиеся в доме двери и открывать все имеющиеся окна: намечались шкварки.

Муж почти торжественно поставил на плиту выдавшую виды боевую подругу его кулинарных экспериментов – старую дюралевую сковородку, включил под ней газ. Пока она разогревалась, нарезал витиеватыми ломтиками сало с корочкой и вывалил его на раскалённую посудину. Зашкварчало, задымилось, и пространство кухни начало постепенно наполняться густой пахучей дымкой. Муж неутомимо возил деревянной лопаткой по сковороде. Всё это время фигуры, едва различимые в клубах дымных облаков, переговаривались в предвкушении финала. Через время выключили конфорку, и дым начал постепенно рассеиваться. Из пелены проявились очертания плиты, миру явились перламутрово-телесного оттенка кусочки, напоминавшие хлебные сухарики. Муж выудил пару завитушек на тарелку и преподнёс Натану на пробу. Тот кончиками пальцев взял одну шкварку за хвостик, слегка подул на неё и опасно откусил. Пока под победный рефрен мужа «такого ты точно не ел!» шкварочка таяла на языке, Натан, причмокивая, закатывал глаза, как закатывают глаза люди, силящиеся вспомнить что-то важное. Он определённо не производил впечатления человека удивлённого! Наконец он вернулся взглядом к сковороде. «У нас такое продают в пакетах», – свой вердикт дегустатор сопроводил жестом рук, изображающих в воздухе что-то большое и круглое, наверное, размер пакета. В общем, фокус не удался. С тех пор муж почему-то больше никогда не готовил шкварок.

В еде Натан был капризен. Тем приятнее был для меня сюрприз, когда в Краснодар приехал американский координатор программы. Он дежурно навещал дома, общался с семьями, выслушивая жалобы и пожелания своих подопечных. Когда очередь дошла до нас, и Натан сообщил нам о предстоящем визите, я слегка поёжилась. Кто знает, что скрывалось за его повседневными улыбками? Предупреждали же нас: всё фальшивое. Вот придёт его патрон, и тут мы узнаем о себе много интересного. Было дело, разок рвало его от моих сырников и домашней ряженки. Он же сразу предупредил, что у него аллергия на молочные продукты, но я то ли запаматовала, то ли не придавала этому значения: в советское время аллергия была достаточно экзотической вещью. Или нажалуется, что нет у нас в доме шахмат.

Как-то вечером, когда погоды хлёткими холодными дождями всё чаще напоминали о приближении зимы, Натан обозначил желание поиграть в шахматы. Шахмат у нас не было. Я укуталась в тёплое и отправилась в ночь. Мечась по улице, стучалась в соседские дома, испрашивая игру. Наконец кто-то снял с антресолей крошечную коробочку серого пластика, умещающуюся в кармане стандартного мужского пиджака – дорожные шахматы с мелкими, почти неразличимыми между собой фигурками. Их-то я и принесла Натану. Он незамедлительно предложил мне сыграть. Я отказалась, смекнув, что сбивчивого знания названий фигур, слов «гамбит», «рокировка», «цейтнот» и «цугцванг», выражений «Е2-Е4» и «лошадью ходи – век воли не видать!» всё-таки маловато даже для моего кавказского гостеприимства. Позвали мужа. Тот согласился. Он неплохо играл, но это только по слухам и на мою веру.

Натан проиграл вчистую несколько партий подряд и, смущённый, наконец отпустил соперника отдыхать.

– Слабенько играет. Можно сказать, вообще не играет, – тайно поделился со мной муж.

- Давно играешь? – обратилась я к Натану: любопытствовать так любопытствовать.
- Нет. Специально учился перед поездкой.
- Зачем?

– Нам говорили, что в России каждый вечер дома играют в шахматы. А вы никогда не играете, я удивился.

Но вот пришёл день, и нас посетил Ларри Пенроуз – большой добродушный мужчина с тёплой и, как мне показалось, вполне искренней улыбкой. Улыбка улыбкой, думалось мне, но всё равно его визит – что-то вроде облавы, проверки на середине пути, контрольной закупки. Облава облавой, но гость в дом – всё равно нужно принять по-нашему.

Накрыли стол, откупили бутылку. У Ларри оказался потрясающий русский язык – сказала восемнадцатилетняя любовь к стране. Мы травили анекдоты, он рассказывал курьёзные случаи, приключавшиеся с ним по работе, между делом в открытую спрашивая Натана, что ему нравится в семье и на что хотел бы пожаловаться. Я слегка дурела от такой открытости. И тут Натан заговорил про супы, мол, не любит, не ест, а «русская мама» часто готовит. Супы я действительно готовила достаточно часто, но он их ел. «Ну, предупредил бы», – успела расстроиться я. Но зря. Выяснилось, что супы ему как раз очень даже полюбились, чего от себя он совсем не ожидал. Американские супы, говорил он Ларри, – или консоме, или супы-пюре, а русские супы – они другие, вкусные.

Но не национальная кухня стала главным культурным шоком для американца. Самым впечатляющим для него стал медицинский случай.

Дочка болела редко. Даже детсадииковская адаптация не сказывалась на ней так драматично, как это происходило с другими детьми её возраста. Но если уж заболела гриппом или простудой, то непременно под выходные или праздники. Выдавала температурную «свечку» в пятницу ночью или в субботу вечером, и это значило, что рассчитывать можно было лишь на «скорую помощь». Вот один из таких случаев пришёлся на выходные, когда Натан с Мэтью вернулись с дискотеки домой под утро. Только Мэтью разрешалось ночевать у нас. Натан взялся было водить к нам хороводы друзей – от американских из его же делегации до русских девочек сомнительного вида, но мы доходчиво объяснили ему, что здесь не ночлежка, и он, отдать ему должное, понял сразу.

Мы жили территориально недалеко от самой первой и самой продвинутой дискотеки тех времён – Quadro. Американцам это место очень нравилось, тем более что в те времена в нашем городе оно было единственным развлечением в едва нарождающейся ночной жизни страны. Мэтью жил в новостройках микрорайона «Комсомольский», который и теперь считается дальней далью, вызывая сочувственные стоны городских жителей. А в те времена туда и днём-то уехать было проблемой, что было говорить о четырёх часах ночи! В общем, лучшему другу Мэтью, одному из всех, разрешалось ночевать у нас.

Вот только они вернулись, только улеглись, только заснули, началась наша утренняя семейная возня после бессонной ночи с заболевшей дочкой. Через два квартала от нас жил наш хороший знакомый – педиатр Юра. В такие дни мы имели обыкновение просить его взглянуть на ребёнка. Едва рассвело, муж – за руль и к Юре. Телефонов не было ни у кого.

От суеты и шума гости пробудились. Увидев высокого, слегка заспанного мужчину в тёплом спортивном костюме со стетоскопом на груди, проходящего в детскую, проснулись окончательно. После осмотра мы попили чаю, поболтали о том о сём, выслушали рекомендации по лечению, и муж повёз Юру обратно.

Всё это время американские ребята не подавали признаков жизни, но стоило закрыться входной двери, оба выползли в кухню.

- Кто это был? – строго спросил Натан.
- Врач.

- Почему он был в спортивном костюме?
- Потому что мы подняли его с постели.
- Но сегодня выходной!
- Вот именно.
- Сколько вы ему заплатили?
- Нисколько.
- Этого не может быть!
- Может. Он наш друг.
- Ну и что? Он врач!
- Да, врач. Но он друг.
- Так нэвозможно! – Натан перешёл на русский, подозревая, что я не совсем понимаю, о чём речь. – В Амэрика это нэвозможно. Это очэн, очэн дорого! Домой врач нэвозможно.

Дальше диалог шёл по кругу:

- Это Россия. Здесь возможно. Он наш друг.
- Но он же врач! Врач на дом – это очень дорого!
- Но он друг...

Всё это время Мэтью стоял молча, переводя взгляд с меня на Натана и обратно. В немой озабоченности его лица тоже сквозило полнейшее непонимание произошедшего. С тех пор я, кажется, начала догадываться, что вкладывают иностранцы в понятие «загадочной русской души». Теперь это называют «разрывом шаблона», «когнитивным диссонансом», а тогда американец просто не мог взять в толк простых и привычных для нас вещей: «по дружбе», «по благу».

- А что делаете вы, когда болеете?
- Едем в больницу.
- А если температура высокая? Если грипп и встать с постели нет сил?
- Всё равно едем в больницу сами.
- А очереди у вас есть?
- Есть.
- И что, с температурой в очереди?
- Да, – печально согласился Натан.

Показателями наивности, законопослушания и доверчивости нашего американца была пара-тройка других случаев.

Вскоре после приезда, когда Натан немного освоился с маршрутами и бытом, я спросила про самое сильное его впечатление от пребывания в новой стране.

– У вас много машин с большой короной в салоне у ветрового стекла, – в его глазах читался лёгкий ужас.

Владельцы первых дорогих иномарок размещали на раздольном парпризе вычурную, восточной роскоши пластиковую позолоченную корону – модный, но дорогой ароматизатор салона. Дешёвые плоские ёлочка-вонючка были уделом плохоньких иномарок. Но что могло так насторожить американца?

– У нас такую корону в машину ставят мафиози. Это значит, что владелец убил человека и отсидел срок. У вас о-очень много таких машин, – просветил меня человек с Дикого Запада.

Сразу по приезде Натану требовалось поменять валюту. Страна, где недавно отменили уголовную статью за валютные операции, казалось, бросилась во все тяжкие. Народ активно вкладывался в доллары. Они были нужны народившемуся сословию «челноков», гонявших в Польшу и Турцию; крупным бизнесменам – для закупок из-за рубежа оборудования и технологий; кто-то ринулся в путешествия по миру; простому российскому человеку доллары были нужны, чтобы сохранить зарабатываемое и хоть как-то уберечься от галопирующей инфляции.

Обменники были востребованы, но их катастрофически не хватало, к тому же курсы валют в них не всегда были выгодными. Гораздо практичнее было покупать с рук. «Менялы» – юркие ребята в кожаных куртках и с беспокойным взглядом – обитали на известных «точках» города и меняли валюту в любом количестве в любое время суток. «Точки» нужно было знать правильные, чтобы не нарваться на «куклу» (стопку резаной бумаги, с обеих сторон прикрытой листками настоящих купюр) или не оказаться «кинутым», когда при обмене можно было получить пачку фальшивок в любой валюте. Этот мутный бизнес уже тогда крышевала милиция, и рассчитывать на защиту или жалобы не приходилось. Муж по работе был связан с долларами, поэтому у него были надёжные менялы, а ближайшая от нас «точка» была как раз «левая», опасная.

Когда приехал Натан, мы строго-настрого предупредили его, чтобы именно туда он не ходил и вообще денег с рук не менял. Ему и вправду было безопаснее менять деньги в официальных обменниках при банках. Но в первый же свой выход из дома он нарвался именно на «наших» менял, о которых его и предупреждали. Сто его американских долларов улетели в пользу русской мафии. Он долго не мог прийти в себя от такого беззакония, но с тех пор деньги менял только через мужа.

Возможно, тот горький опыт насторожил его настолько, что кое в чём не доверять он пытался даже мне.

Однажды я не могла дозваться Натана и Мэтью к завтраку – снова вернулись с дискотеки под утро. Заглянув в комнату, застала картину: на разобранном диване сидят полусонные детины с тетрадями на коленях, рядом толстенная-претолстенная книга в яркой мягкой обложке, и они по очереди что-то в ней ищут.

– Почему не идёте завтракать?

– Опоздываем. У нас сейчас зачёт по русскому. Домашнее задание делаем.

– Может, вам помочь? Что за задание?

– Спрягать глаголы.

Толстенная-претолстенная книга оказалась словарём спряжения русских глаголов. Каждый глагол! Во всех временах и залогах! Библиографическая редкость потрясла моё воображение.

Стало понятно, что выучить спряжение нескольких заданных на дом глаголов они не успели. Теперь же уйму времени занимал словарь: ну-ка, попробуй найди нужный глагол, потом перепиши его в тетрадь, не спутав окончаний!

Я заглянула в их записи.

– Так, – командным голосом заговорила я. – Мне нужно, чтобы вы успели позавтракать. Убирайте словарь, я вам быстренько продиктую спряжение ваших глаголов в трёх временах.

Согласились они не сразу. Посопротивлялись, проблеяв что-то про самостоятельность и честность, но при их организации труда, во-первых, высока была вероятность опоздать к зачёту, даже если не позавтракать. Во-вторых, велик был соблазн скорее покончить с муторным заданием, не терзая сонные мозги.

– Итак, настоящее время, – торжественно произнесла я, страшно счастливая, что русский язык Господь Бог подарил мне на день рождения. – Пишем: я иду, ты идёшь... мы идём, они идут...

Они записывали, не переспрашивая, но и я не торопилась, чеканила каждое слово, заглядывая в записи, подсказывая.

– Теперь прошедшее: я шёл/шла, ты шёл, он шёл, она шла, оно шло...

Тут Натан поднял на меня глаза и, постукивая ручкой о лист, заявил:

– Неправильно. Оно не «шло». Там по-другому... другая форма.

В повисшей на некоторое время тишине мимика его лица выдавала напряжённую работу мысли.

– Пиши уже! – опомнилась я от кратковременного шока, вызванного дерзостью такого недоверия. – Пиши: оно шло, мы шли...

Под натиском моего менторского тона они снова покорно склонились над тетрадями. Потом я часто развлекала этой байкой дружеские посиделки.

К началу декабря наш американец сдал свои последние зачёты, принёс домой ведомость с оценками за прослушанный курс.

– Чего такой грустный? – проинтуичила я.

– Оценкой по русскому не очень доволен.

С порога вытащил из сумки и протянул нам документ. Листок пожелтевшей бумаги «Бланкиздата», из тех, что наверняка были напечатаны впрок согласно обязательствам, взятым в последнюю, а может, и в предпоследнюю пятилетку. Наверняка в славном социалистическом соревновании всех со всеми в отрасли выполнили и перевыполнили план. Страны уже четыре года не было, а универсальные бланки остались. Один достался американцу: типовая графлёная ведомость, в которой в его случае слева был список дисциплин, справа – колонка с оценками.

Мы взглянули в ведомость. Против строки «русский язык» обычной синей шариковой ручкой стояла цифра 4 и минус: «4 —».

Муж спустил очки со лба на переносицу, внимательно рассмотрел бумагу.

– Вам всем такими цифрами поставили оценки?

– Да.

– И что, у Мэтью сколько?

– У Мэтью просто «4», – обречённо пожал плечами Натан.

– А с плюсами оценки у кого-нибудь были? – инквизиторским тоном допытывался муж. – Ну, раз минусы ставили, значит, ставили и плюсы?

Американец снова пожал плечами. Мы с мужем тайно переглянулись и беззвучно посмеялись.

– Не расстраивайся, Натан. Сейчас мы тебе поднимем настроение. Неси ручки, учительница, – обратился ко мне муж. – Будем повышать нашему парню оценку.

Зная своего мужа, у которого на безопасное хулиганство с детства был нюх, я сгребла в кулак все ручки из органайзера и положила на стол. Муж принялся каждую расписывать на полях подвернувшейся газеты, сверяя цвет пасты с оценкой в ведомости.

– Что он делает? – заволновался Натан.

– Будет исправлять тебе минус на плюс, – простодушно ответила я.

– Нэможно!.. Нэлзя! – поправился и перешёл на английский. – Это подделка документов! За это суд! – в ужасе схватил он со стола ведомость.

– Ну, как хочешь, – серьёзно произнёс муж. – А мог бы приехать домой и показать четвёрку с плюсом, лучше, чем у Мэтью!

Мы, конечно, настаивать не стали, но и тайны, что на такой бумаге серьёзных документов в нашей стране не делают, и цифрами важных оценок не ставят, тоже ему не выдали. Ах, если бы он знал, какие приписки делались на таких вот бланках в стране, которая недавно исчезла с карты мира! Сколько их было – этих приписок!

Ещё проверяющий Ларри Пенроуз, уходя от нас сытым и весёлым, в долгом прощании на пороге признался, что всем студентам по обмену больше всего в России нравились семьи. Ни Санкт-Петербург, куда их организованно возили на пять дней, ни настоящая кубанская свадьба, посещение которой организовал американским гостям кто-то из местных доброжелате-

лей, ни снисходительные университетские преподаватели не запали в душу иностранцев. Русское гостеприимство принимающих семей оказалось главной достопримечательностью страны. Натан искренне удивлялся, как запросто, как часто и без приглашения заглядывали к нам гости, как всех кормили, как оставляли ночевать. И гости наши в качестве гостинцев приносили не только водку.

– Ко мне друг не может прийти без предупреждения. И я к нему. Мы договариваемся о встрече заранее. Если приходит, то никогда не сидим в доме. У нас есть бейсмент (подвальное помещение). Там палас, телевизор, игровая приставка. Мы никогда не угощаем своих гостей. Если он хочет, может сам себе принести колы или пива, – рассказывал мне Натан. – А у вас хорошо. Я бы тоже хотел так жить, – заметно грустил он.

Когда в последний раз, уже перед самым отъездом, от нас уходил Мэтью, глаза этого здорового американского детины блестели настоящими слезами. Повлажнели и ресницы Натана. «Не хотим уезжать. Хотим оставаться. Спасибо за всё!» – говорили они. Может, улыбки у американцев и фальшивые, но слёзы тогда были настоящие.

На прощание принято дарить сувениры. Нашему американцу мы купили не водку, а бутылку настойки, похожей на водку, потому что на этикетке был скачущий казак в чёрных галифе, красном бешмете, с шашкой наголо, и банку чёрной икры. Икре обрадовался особенно. Он не знал вкуса этого деликатеса и был счастлив поделиться им с мамой и сестрой.

Себе на память о России он тоже кое-что купил. Семь сергиево-посадских или семёновских, сейчас уж не вспомню, деревянных красавиц второй раз (после кока-колы) отверзли челюсть нашей дочери. Да и мы с мужем, признаться, при советской власти таких красот не видывали. Большие, яркие, ручной росписи русские матрёшки эффектно смотрелись в американских руках. Оставалось лишь предположить, какой фурор они были призваны произвести у него дома.

Но не матрёшками едиными был горд наш Натан. Как-то с первыми холодами он вернулся домой из университета и вытянул из рюкзака не первой свежести треух.

– Russian hat! – торжественно произнёс он, постукав тыльной стороной ладони по тусклой цигейковой окружности.

Я торопливым жестом отвела ушанку от себя, из санитарных соображений поинтересовавшись, где именно он «это» приобрёл. Я не ошиблась – он купил её с рук у какого-то мужика. Хорошо, если не у бомжа, – шептала я ночью мужу, представляя, как в чемодане американца беснуется разная микроскопическая нечисть.

Его Мэтью оказался то ли осторожнее, то ли богаче, но свою ушанку он купил в магазине. Когда однажды он явился в ней к нам в гости, плотная серая шёрстка радостно лоснилась новизной на зимнем солнце.

Натан улетел домой к Рождеству, в середине декабря. Опасаясь перевеса в аэропорту, оставил у нас почти все привезённые вещи: от спортивного костюма до двух десятков пар носков и горы туалетных принадлежностей. На всём значилось Made in China. Уже тогда всё американское делалось в Китае. Со временем что-то из «трофеев» растащили наши друзья и родственники. Только кухонные полотенца, которыми он одарил нас по прибытии, да его синий махровый халат служили нам потом лет двадцать. Туалетная бумага – невозможно тонкая, тающая от вспотевших рук, совершенно не пригодная к применению по прямому назначению – своим количеством тоже долго напоминала нам о трёх с половиной месяцах прикосновения к Новому Свету, которым тогда было пронизано всё вокруг.

Ещё при Натане я устроилась на работу по специальности. Вечерние группы в частных языковых школах трещали от наплыва отъезжающих за лучшей жизнью. Родители начали

заморачиваться уроками английского для малышни. Когда схлынули эмигрантские волны, в бушующем российском море бизнеса поднялась новая мощная волна востребованности английского – пришла мода образовывать детей в Оксфордах и Кембриджах. Мой профессиональный чёлн вполне уверенно поплыл по волнам этой сферы услуг, в немалой степени благодаря прекрасной оснастке – личному открытию Америки, бесценному опыту общения с носителями языка, пусть и с доставкой на дом.

Помидорка

Посвящается Нелли Власовой

До рынка, который в столице этой жаркой кавказской республики назывался «базаром», было далеко – не менее получаса пешего хода напрямик от дома. Поэтому в особо знойные дни Женька ходила не на базар, а к ближайшему продуктовому магазину. Рядом с ним на грунтовой площадке летом ставился грубый прилавок из листового железа, на который устанавливались подозрительно заедающие металлические весы с истерзанными алюминиевыми чашами и подмётными гирьками, сооружался деревянный помост для усатого, с лукавым взглядом продавца. За его спиной располагались ящики с разнообразной зеленью и овощами, которые привозили из отдалённых сельских районов. Внушительных размеров ящики были сбиты из грубых деревянных досок. Огурцы, баклажаны и перцы выживали в них до конца торгового дня легко, чего не удавалось помидорам.

В республике знали толк во вкусной еде, и сорта овощей подбирались с любовью к кулинарии. Экологическая чистота тех мест и лет изначально обеспечивали отменное качество продуктов. Помидоры в продаже в разгар сезона были спелыми, сочными, с тонкой, лакированной кожицей. Возьмёшь один в руку, взглядишься, а он будто светится, упруго-восковой. Рассечёшь ножом пополам – внутри маслянистый срез, истекающий незримой влагой. А если разлочишь – кристаллы сахарные. И аромат. Какой аромат был у тех бакинских помидоров!

Выращенные на свободе, вне тепличных застенок, размерами и спелостью они были разные: одни на жаре доспевали, другие перезревали. К вечеру образовывалось некоторое количество отходов.

С утра покупателю ещё было дозволено выбирать. Можно было даже указывать продавцу на желаемый ящик, из которого следовало набрать. По какому-то неведомому закону покупателю всегда казалось, что лучший товар находился не в том ящике, из которого набиралась продукция прямо сейчас, а в любом другом, верхнем или нижнем, может быть, даже в том самом, содержимое которого и вовсе пока не видно. И великодушный продавец почему-то соглашался жонглировать тяжеленными деревянными контейнерами в угоду покупателям. Почему? Зачем? Восток, как известно, дело тонкое. Однако с течением дня такая возможность постепенно сокращалась, поскольку росло желание продавца расторгнуться до последнего измученного нестерпимым пеклом плода.

Женька подошла к овощному прилавку, пристроилась в конец недлинной очереди и уже начала присматриваться к ящикам, когда её взгляд притянула одинокая помидорка. Она красовалась на сооружённой прямо на уровне глаз покупателя витрине – захочешь, не обойдёшь взглядом. Помидорка и вправду была хороша: статная, упругая, будто туго надутая изнутри, с ровными бочками и кокетливым бантиком-плодоножкой. Она заметно выделялась среди подруг по партии, и было неудивительно, что зоркий глаз продавца выхватил её из безликой массы.

За время ожидания в очереди Женькин взгляд подружился с помидоркой. Но когда подошёл черёд, Женька не решилась попросить услужливого продавца положить красавицу на весы. Она понимала: витрина; наверное и другим хотелось бы забрать эту помидорку, но никто не решался. Набрала немного овощей и отправилась домой. К чему надрываться? Она будет ходить сюда едва ли не каждый день и покупать понемногу свежего. У неё отпуск, на дворе разгар лета, а салат с помидорами – обязательная часть ежедневного рациона.

Назавтра Женька снова пришла к прилавку. Свежая партия овощей была не хуже вчерашней, и их качество по-прежнему достойно презентовала слегка обмякшая, но всё ещё красавица помидорка.

На следующий день Женька за продуктами не пошла. Но очередным ранним утром, захватив базарную сумку, она снова отправилась к овощному прилавку по условной, при июльской погоде, для тех мест прохладце.

День только начинался. За прилавком суетился усатый продавец: раскладывал ящики, расстилал клеёнку, устанавливал весы... Он почти завершил ежеутреннее обустройство, как вдруг заметил витринную помидорку на четвертом дне своей рекламной вахты. Женька перехватила его взгляд. Усатый деловито, как бы между делом, подхватил оплывший водянистый мешочек, чудом удерживавший за прозрачной, как пергаментная бумага, кожицей заметно размякшее содержимое. Бантик плодоножки истончился, поржавел и стал напоминать завиток колючей проволоки. В дальнем углу, по возможности скрытый от глаз, стоял деревянный ящик для отходов. Борта его были вымазаны бурым. Туда и отправились останки помидорки. Влажное пятно её тронного места тоже исчезло под замусоленной тряпкой в ловкой руке хозяина. Под отрывистое пикание радио «Маяк» он встал к весам и взглядом на первого в очереди покупателя начал рабочий день.

Женька была не просто златокудрой фигуристой женщиной средних лет, с зеленоватыми глазами и шлейфом мужского внимания. Она была философом в душе, с двумя неудавшимися браками и двумя разновозрастными дочерьми от них. Купив овощей, она возвращалась домой и всё думала про помидорку, и всё сравнивала её историю с судьбой красивой женщины. Дома Женька не удержалась и за завтраком поделилась этими мыслями со своими девочками.

История с КПСС

В эпоху издыхания социализма – самое начало восьмидесятых прошлого столетия – я училась в скромном советском университете. Факультет мой был лингвистический, с трудно произносимым названием «романо-германская филология». У многих делались пустые глаза, когда на вопрос «куда поступила?» я заводила эту песню с припевом. Некоторые же понимающе кивали и улетали мыслями в пространства лёгкой зависти к тому, что я буду знать парочку европейских языков.

Бума английского тогда ещё не случилось. Основные переводческие кадры ковались в московских языковых гигантах. В закрытой от мира нашей стране на периферии с носителями языка было туго. Сюда перепадали жалкие огрызки капиталистического мира: разве что заглядывала редкая официальная делегация, наводившая мосты разноплановых дружб, или какой турист-одиночка, сочувствующий идеям коммунизма, мирно поселялся в местной гостинице «Интурист». Дерзкие заплутавшие вроде Матиаса Руста, что приземлился на Красной площади, или Стива Фоссета на воздушном шаре, упавшего вместе с этим шаром на бескрайние кубанские поля, случились несколько позже. Тогда я уже вовсю трудилась по профессии. А пока я была студенткой, на практику в местном «Интуристе» могли рассчитывать только круглые отличники. Я была не из их числа. Мою зачётку оскверняло слово «хорошо», прописанное против важнейшей из дисциплин того времени – истории КПСС. Это самое «хорошо» сделало мне очень плохо: университетский комитет комсомола счёл меня политически неподкованной и неблагонадёжной. Ответственные товарищи не догадывались, что этой оценкой моё диссидентство и заканчивалось. Отличные оценки по профильным предметам роли не играли, к заезжим англичанам меня не допускали.

У сокурсницы Ириды история обиды на власть выглядела иначе.

Ирида была белокурой леди, слегка подслеповатой, с голубыми глазами и фигурой формы «гитара». На момент нашего знакомства ей было увесисто за двадцать, и для второго курса по тем временам она была старовата. За хрупкими плечами у этой молодой женщины был неудачный брак с чистокровным адыгейцем. Из того замужества Ирида вынесла двухлетнего сына, умение готовить национальное блюдо лишипс, никогда ей больше не пригодившееся, а также знание национальных традиций малого кавказского народа, по которым, например, невестке не дозволялось находиться в одной комнате со свёкром. Собственно, эти традиции очень скоро и вынесли саму Ириду в палаты неврологического отделения. Пациентка, имевшая в анамнезе прочитанную во втором классе средней сибирской школы «Войну и мир», два года в глухом адыгейском ауле была допущена лишь к плите и кровати. Быть отрезанной даже от единственного окна в цивилизацию в образе телевизора, с которым вечерами срастался свёкр, эрудированной барышне оказалось не по силам. От семейной жизни у неё случился тяжёлый невроз. После вынужденного академического отпуска, оставив ребёнка родителям в станице, Ирида вернулась в университет. Мы оказались в одной комнате общежития и стихийно задружили.

Что делала Ирида на языковом факультете, для меня до сих пор остаётся загадкой, потому что ни способностей, ни рвения к изучению языков она ни разу не обнажила. Она была заядлой книгочкой и искусной мастерицей-вязальщицей.

Её студенческая жизнь проходила в комнате университетской общаги. Когда ранним утром все уходили к первой паре, Ирида ещё спала. По возвращении её заставляли либо читать, либо вязущей на спицах или крючком, иногда в окружении грязной посуды, если она не ленилась позавтракать.

Душа у Ириды была не на месте. Ей отчаянно хотелось нормальной семьи, вменяемого мужа, которого она могла бы баловать новым вязаным свитером к очередному отопительному сезону. Она мечтала возиться с сынишкой и мучилась разлукой. Любила классическую музыку, не пропускала концертов в филармонии, навевалась на театральные премьеры. Легко позволяла себе посильный гламур в виде нескольких мотков дорогого мохера для модного жакета, позволяла регулярный маникюр с педикюром в парикмахерской типа «салон красоты», кафе-мороженое или лишнее пирожное. Считать копейки до очередной стипендии ей не приходилось, Ирида её не получала. Отец – главврач станичной больницы – пару раз в месяц совершал продуктовый десант в общагу: вместе со свежайшими сливками, мясом и овощами приезжала наличность, суммой равная той самой месячной стипендии.

Жильцов в нашей комнате было четверо, и мы неплохо ладили. Устным договором определяли, кому когда кашеварить или убирать. Количество и качество провианта с папиного десанта Ирида как бы меняла на возможность устраниваться от бытовой суеты. После еды мы – на кухню, Ирида – на кровать, читать или вязать. С утра и до поздней ночи. Девушка не из нашего века, мне она часто представлялась в кринолинах, вышагивающей полонез, или скользкой в вальсе на дворцовых балах.

Студенческая рутина, теорграмматика и германистика вгоняли её в уныние и грозили новой лечебницей. Она береглась, как могла, поэтому наловчилась пользоваться чужими конспектами. Даже упражнения по практике языка иногда делала под мою диктовку. Если случилось написание реферата по политэкономии или философии, Ирида выбирала ту же тему, что и у меня. Мы были в разных группах, и она терпеливо ждала, когда на моём докладе можно будет поменять титульный лист, вписав её фамилию моей рукой. Так покрывались её бесконечные долги по многим предметам, отягощённые хроническими пропусками занятий.

Особенно огорчала она кафедру физвоспитания. Имея справку от папы-врача то ли о липовых, то ли о настоящих проблемах со здоровьем, официально Ирида была освобождена от занятий общей физкультурой. Она приписывалась к спецгруппе, и от неё требовалась формальность: когда в расписании стоит пара по физвоспитанию, переодеться в форму и неспеша нарезать круги по гаревой дорожке стадиона, вовремя уворачиваясь от нас, бегущих на время то стометровку, то «четыреста». Но Ириде было лень переодеваться, и за четыре года на стадионе её видели всего однажды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.